
«ИМЕЮ ЧЕСТЬ СООБЩИТЬ ФАКУЛЬТЕТУ...»: О ПОЛОЖЕНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССУРЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Н.Т. Ерегина

Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
ул. Революционная, 5, Ярославль, Россия, 150000

В статье на основе широкого круга архивных и опубликованных материалов анализируются взаимоотношения новой революционной власти и медицинской профессуры. Особое внимание уделено положению и условиям работы профессорско-преподавательского состава медицинских факультетов в годы гражданской войны.

Ключевые слова: медицинское образование, гражданская война, высшая медицинская школа, преподаватели высшей школы.

Культурно-исторический перелом, обозначившийся в России после свершения социалистической революции, напрямую затронул высшую медицинскую школу. Массовые общественные организации врачей и медицинских работников, такие как «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова», Всероссийский союз помощников врачей, Российское Общество Красного Креста, негативно отнеслись к Октябрьскому перевороту и последовавшим за ним переменам. Председатель СНК В.И. Ленин в выступлении на I Всероссийском съезде по просвещению (1918 г.) так оценивал ситуацию тех месяцев: «Это был саботаж, объявленный наиболее образованными представителями старой буржуазной культуры: этот саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми низами» (1).

Преподаватели высшей школы, безусловно, относились к числу наиболее образованных представителей старой буржуазной культуры. Профессора, доценты составляли привилегированный слой старой интеллигенции, крепко связанный с дворянством и буржуазией, а потому тяготевавший к кадетам и другим партиям либерального толка. Советской власти подавляющее их большинство не сочувствовало и нововведения и лозунги большевиков на первых порах не принимало.

Биограф Казанского университета, выпускник медицинского факультета и современник тех дней М.К. Корбут писал: «В общем хоре протестов

против «захватчиков-большевиков», несшемся из лагеря буржуазии и интеллигенции, прозвучал и голос профессуры Казанского университета, которая в лице совета университета решила 9 декабря 1917 г. присоединиться к резолюции совета профессоров Харьковского университета по текущему моменту. Эта резолюция клеймила «группу фанатиков и темных дельцов», захвативших власть накануне Учредительного Собрания «с помощью обманутой ею вооруженной толпы» (2).

25 ноября 1917 г. Конференция Военно-медицинской академии присоединилась к воззванию представителей высших учебных заведений Петрограда, начинавшемуся словами: «Великое бедствие постигло Россию!» и заканчивавшемуся призывом к созыву Учредительного собрания.

Руководство академии и часть профессуры в течение нескольких месяцев препятствовали реорганизации Академии на советских началах. Руководитель Петроградского горотдела народного образования Н. Кузьмин докладывал в июле 1921 г. Совнаркому о «реакционной деятельности» профессора В.Н. Тонкова и возглавляемой им академии, пытающейся «...повести борьбу за автономию, которую сейчас мы должны уничтожить» (3). Эта же позиция была озвучена на совещании военкомов республики в 1922 г.: «Состав слушателей, профессуры и преподавателей Военно-медицинской академии самый отвратительный – черносотенный, поэтому военкому приходится постоянно наблюдать за ними, чтобы не допустить саботажа...» (4).

Негативное отношение преподавателей к происходившему в высшей школе было очевидным и во многом оправданным. Достаточно вспомнить такие шаги Наркомпроса РСФСР, как отмена вступительных, курсовых и государственных экзаменов, введение студентов в состав Ученых советов факультетов с правом решающего голоса, назначение в вузы комиссаров, прием «наибольшего количества желающих», перенос занятий на вечернее время, так как в дневное «дети пролетариата заняты работой на фабриках», упразднение дипломов, отмена ученых степеней и званий.

Целесообразность этих и многих других новаций преподаватели вузов подвергали сомнению. Не случайно на заседании коллегии отдела высших учебных заведений Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – НКП РСФСР) от 29 ноября 1918 г., где рассматривались вопросы высшего образования и кадровые вопросы в высшей медицинской школе, позиция «старой профессуры» по отношению к нововведениям в высшем образовании России оценивалась как «не только саботаж, но открытое сопротивление» (5).

В регионах, где в ходе гражданской войны Советская власть временно оказывалась утраченной, профессора и преподаватели в подавляющем большинстве встречали ее противников с явным одобрением. Так, после захвата Казани белочехами в августе 1918 г. Совет Казанского университета на своем заседании 16 августа принял следующую резолюцию: «Совет уни-

верситета приветствует образовавшееся новое правительство в лице комитета членов Учредительного Собрания и заявляет, что он готов принести все силы, средства и самую жизнь своих членов на пользу строительства нашей истерзанной родины» (6).

Через месяц, когда Казань была освобождена частями Красной Армии, с белой армией из города ушли значительная часть профессуры, еще большее количество преподавателей и подавляющее большинство студентов. Университет лишился более ста преподавателей и административно-хозяйственных работников. В Томске, который с июня 1918 г. и почти до конца 1919 г. находился под властью Временного Сибирского правительства, часть профессоров университета участвовала в его работе, активно поддерживая Колчака. Студенты старших курсов были мобилизованы в колчаковскую армию (7).

На первых порах, когда противостояние было очевидным, новая власть в большинстве случаев не прибегала к крайним мерам, отчетливо сознавая важность завоевания специалистов на свою сторону. Так было в Казани. Когда в сентябре 1918 г. советская власть здесь была восстановлена, исполняющий обязанности ректора университета проф. Гольдгаммер был арестован, но через месяц выпущен на свободу. Члены совета университета, явившиеся инкогнито по предписанию в ЧК, были отпущены на свободу в тот же день (8).

Так было в Томске, где часть профессоров университета приняла активное участие в деятельности белогвардейского правительства. Декан медицинского факультета профессор В.Н. Саввин, указом Верховного правителя адмирала А.В. Колчака назначенный товарищем министра народного просвещения, после восстановления в Томске Советской власти параллельно с преподавательской деятельностью работал в губернском отделе здравоохранения, а с 1922 по 1929 г. возглавлял Томский университет. Профессор В.В. Сапожников, бывший министром народного просвещения Временного Всероссийского правительства, также вернулся к активной научной и преподавательской деятельности (9).

Такой расклад событий и «благодушие» властей устраивали не всех. Партийная ячейка, созданная в 1920 г. из студентов рабфака и двух вузов Томска (университета и политехнического), не раз ставила перед Наркомпросом вопрос о замене В.Н. Саввина ректором-коммунистом. Партийные студенты считали его «двурушником», обвиняя, что он только на словах за «Советскую власть», а на деле поддерживает реакционную профессуру (10).

В центре, где проблема преподавательских кадров не стояла так остро, как на периферии, отношения складывались более жестко. Во многих представителях «старой» профессуры новая революционная власть видела «скрытых» заговорщиков. В сентябре 1919 г. ректор Военно-медицинской академии проф. В.Н. Тонков ходатайствовал перед В.И. Лениным об освобождении ученых Петрограда, арестованных как «социально чуждые эле-

менты», среди которых были и ученые медицинской академии В.П. Осипов, С.Я. Терешин, С.П. Федоров. После вмешательства В.И.Ленина, давшего указание «освободить кого можно», они были освобождены (11).

В сентябре 1921 г. проф. С.П. Федоров вновь был арестован Петрогубчека. Теперь о его освобождении от имени Русского хирургического общества Пирогова ходатайствовал, обращаясь к В.И. Ленину, известный хирург, профессор И.И. Греков. По его выражению, основанием для освобождения являются «несменяемость С.П. Федорова для студентов и врачей как руководителя и преподавателя двух хирургических клиник...». В конце ноября 1921 г. к нему применили амнистию, присудив 2 года условно и переведя на работу в Москву, в Кремлевскую больницу. По окончании условного срока профессор С.П. Федоров вновь вернулся в Петроград. В сентябре 1919 г. в Москве директор Высшей медицинской школы обращался в Наркомпрос с просьбой освободить из-под ареста председателя Московского общества детских врачей, профессора А.А. Киселя, возглавлявшего комиссию по детскому туберкулезу и необоснованно арестованного в первые дни сентября (12).

Нередко основанием для ареста профессуры становились публичные лекции религиозного содержания. По этой причине были задержаны 3 профессора Саратовского университета, вскоре переправленные в Бутырку.

Один из них, ректор университета В.Д. Зернов, в своих мемуарах подробно описал события этих месяцев: и свой арест в марте вместе с гинекологом Н.М. Какушкиным, педиатром И.Н. Быстрениным и многими другими представителями саратовской интеллигенции, и долгое сидение в Саратовской, а затем Бутырской тюрьмах без предъявления каких-либо обвинений, и заступничество Н.А. Семашко, добившегося освобождения профессоров и отправившего их после освобождения в «дом отдыха» «для лиц, уставших от умственного труда» имени Семашко в Николо-Воробьинском переулке, недалеко от Воронцова поля (13). В 1919–1921 гг. подобные аресты вузовской интеллигенции не были редкостью.

Материально-бытовые трудности, связанные с «уплотнением», и низкая заработная плата ставили преподавателей в невероятно тяжелые условия. Руководство медицинского факультета Нижегородского университета в телеграмме от 22 февраля 1922 г. сообщало в Главпрофобр: «Преподаватели медицинского факультета врачи не получают жалованья с середины ноября, ассигнований и дензнаков в университете нет, а коммунхоз требует оплаты. Положение критическое» (14).

В постановлении объединенного собрания профессоров Московского университета, принятом 1 февраля 1922 г. и отправленном в Совнарком, выражалось осуждение власти за «катастрофическую» материальную деградацию вузов и тяжелейшее материальное положение преподавателей высшей школы, при котором «профессор в высшем техническом институте – специалист по легкому транспорту, уникальный в России, получает в пять раз

меньше, чем шофер, который его возит» (15). Не случайно Л.Д. Троцкий 4 ноября 1921 г. сообщал В.И. Ленину: «...ученым нашим действительно грозит вымирание под флагом “нового курса”... Если перемрут, придется долго восстанавливать “преемственность”» (16).

Бесконечные лишения и недоедание сказывались на здоровье преподавателей. Профессор Воронежского университета А.С. Невзоров в интервью губернской газете в октябре 1920 г. заявил, что положение профессоров в университете просто бедственное. Красноречиво свидетельствует об этом обращение декана медицинского факультета А.Г. Люткевича к своим коллегам, прозвучавшее 18 июня 1920 г.: «Имею честь сообщить факультету, что я после выздоровления от сыпного тифа начал заведовать клиникой с 18-го июня, к чтению лекций приступлю 21 июня. Исполнять обязанности декана пока не могу – нет еще сил, чтобы подниматься в канцелярию медицинского факультета на 3-й этаж» (17).

Иногда сами студенты пытались хоть как-то помочь своим преподавателям выжить в сложнейших условиях. Примером может служить «дело профессора П.И. Карузина», возникшее в связи с заявлением группы студентов медицинского факультета 1-го МГУ о том, что профессор П.И. Карузин получает от них деньги и продукты. Подробное разбирательство «дела» специально созданной комиссией вынесло решение в пользу профессора, в том числе и в связи с принципиальной позицией другой части студентов этого же факультета.

В связи с огромным количеством учащихся (около 1 тыс. чел.), принятых на медицинский факультет 1-го МГУ в 1919 г., зав. кафедрой нормальной анатомии проф. П.И. Карузин вынужден был практически занятия по анатомии проводить на протяжении всего дня, в том числе и во внеурочное время, по вечерам. Его тяжелое материальное положение, огромное трудолюбие и безотказность в обучении анатомии вызывали симпатию студентов и искреннее желание хоть как-то помочь профессору (18).

«Профессорская забастовка» 1922 г. стала последним публичным актом отчаяния преподавателей, многие месяцы, несмотря на нужду и лишения, продолжавших работать.

Активное участие в забастовке приняли преподаватели медицинского факультета Казанского университета, протест которых возглавил избранный советом, но не утвержденный Татнаркомпросом ректор проф. А.А. Овчинников. На заседании совета 24 января 1922 г. он докладывал: «Денежных средств за прошлый год для покрытия расходов совершенно не имеется. Задолженность университета по выдаче жалованья профессорам, преподавателям и другим лицам на 1 января простирается до трех миллиардов... А между тем служащие в университете профессора и другие лица голодают, истощаются от недостатка питания и разных тифов» (19). 17 февраля 1922 г. проф. А.А. Груздев докладывал на совете медицинского факультета КГУ: «Можно к

величайшему сожалению категорически утверждать, что медицинский факультет Казанского университета уже и в настоящее время гибнет, гибнет не только в смысле упадка научно-медицинской деятельности, но и в смысле понижения уровня подготовки необходимых для государства врачей» (20).

Русская интеллигенция после октября 1917 г. оказалась на перепутье. Немало ярких ученых, в том числе известных преподавателей-медиков, не приняло Советской власти, покинув страну. Доля врачей среди эмигрантов по сравнению с представителями других профессий была незначительна и составляла около 1% (21). В цифровом выражении – это около 2 тыс. чел. В то же время только в государствах Европы после революции оказалось около 50 видных ученых, представителей отечественной высшей медицинской школы, внесших заметный вклад в развитие естественных наук и медицины. Это В.Г. Коренчевский, Д.П. Кишенский, А.А. Максимов, Г.Е. Рейн, А.А. Редлих, В.Н. Сиротинин, В.А. Юревич, И.П. Алексинский, К.А. Буйневич, Б.П. Бабкин, В.В. Завьялов, Н.М. Попов, Г.Я. Трошин, С.С. Груздев и др. Блестящие российские таланты, в эмиграции они продолжили научную и преподавательскую деятельность, плодотворно работая в университетах Софии, Белграда, Загреба, Парижа, Праги, Берлина, Нью-Йорка и других центров русской эмиграции.

В то же время подавляющее большинство известных русских ученых, профессоров и преподавателей, восприняв революцию с осторожностью, недоверием и робкой надеждой на обещанные демократические перемены, после недолгих колебаний в итоге включились в работу высшей медицинской школы. Достаточно назвать такие имена, как А.С. Догель, В.Н. Тонков, А.А. Дешин, И.Ф. Огнев, А.А. Заварзин, Н.Е. Введенский, А.Ф. Самойлов, В.М. Бехтерев, Г.Ф. Ланг, В.Д. Шервинский, В.А. Оппель, И.И. Греков, П.А. Герцен, С.И. Спасокукоцкий, Г.И. Россолимо, А.Б. Фохт и др.

Занятия не прекращались, и подготовка специалистов продолжалась, так как раздираемой гражданской войной и эпидемиями стране требовалось все большее количество врачей. Оставшись в Советской России, они внесли весомый вклад в развитие высшего медицинского образования, воспитали не одно поколение врачей, создали крупные научные школы, хотя не сразу и нелегко вошли в новые политические реалии.

Удержать поворот научной медицинской интеллигенции к сотрудничеству для большевиков было необычайно важно. Новой власти требовались знания и опыт старых специалистов. А.В. Луначарский вспоминал: «При столкновениях наших великолепных в политическом отношении ячеек вузов с профессурой, которую Ленин сплошь и рядом прямо называл «буржуазной», он даже в моменты зловердных стачек этих профессоров неизменно становился на сторону последних и на мое замечание на заседании ЦК, что ячейки переполнены ненавистью к буржуазной профессуре и невольно мешают работе по примирению и налаживанию сколько-нибудь нормальной

работы с ней, ответил: «Ученые необходимы нам абсолютно, ячейки надо драть до бесчувствия» (22).

Ситуация с преподавательскими кадрами высшей медицинской школы осложнялась тем, что многие представители «старой школы» попросту не выдержали всех потрясений революции, мировой и гражданской войны и раньше времени ушли из жизни. Подобная скорбная статистика содержится в отчете Московского университета за 1916–1919 гг., лишившегося 10 профессоров медицинского факультета. Это В.К. Рот, А.И. Пospelов, В.Ф. Снегирев, Д.Н. Зернов, В.П. Сербский, В.Ф. Поляков, С.Е. Березовский, А.А. Маклаков, Н.А. Митропольский, Н.С. Кишкин (23).

Данный список неполон, так как в нем не указаны еще 4 профессора медицинского факультета МГУ, ушедшие за этот период из жизни: В.А. Муратов (1916), П.С. Усов (1917), М.Б. Коцын (1917), И.Ф. Зеленов (1918) (24).

В истории медицинского факультета Казанского университета никогда не наблюдалось такой большой текучести кадров, как во времена гражданской войны.

Из 24 профессоров, заведующих кафедрами в 1917 г., 9 в 1918 г. покинули Казань. Трое из них (В.Н. Болдырев, В.Ф. Орловский, А.И. Раммуль) эмигрировали. Г.Н. Трошин в 1922 г. был выслан из страны. Семь профессоров ушли из жизни за период 1918–1923 гг. Только на 8 кафедрах за годы революции и гражданской войны не сменились заведующие.

Руководителей на многие кафедры найти было трудно. К примеру, кафедра патологической физиологии (общей патологии) в течение 1918–1928 гг. оставалась незамещенной. Чтение лекций вынужденно разделили между кафедрами бактериологии, патологической анатомии, общей диагностики и терапии, что отрицательно сказывалось на преподавании данной дисциплины (25).

Часть преподавателей-медиков пыталась спастись от превратностей революции на юге России, зарабатывая на жизнь частной врачебной практикой. Однако и здесь, как только появлялась возможность, они возвращались к преподавательской деятельности.

Именно из таких специалистов в Екатеринодаре (ныне Краснодар) сложился остов, вокруг которого собирались ученые-медики, опытные практикующие врачи, составившие преподавательский корпус открывшегося здесь в 1920 г. медицинского факультета университета.

Учебный процесс в высшей школе был сопряжен с многочисленными трудностями. Серьезным препятствием в его организации стала хозяйственная разруха, топливный кризис.

Академик А.Л. Мясников вспоминал о своих годах учебы на медицинском факультете 1-го МГУ, пришедшихся на годы гражданской войны: «С наступлением холодов жизнь стала труднее. Клиники не отапливались – нет дров. Новый профессор диагностики Е.Е. Фромгольд был всегда в белоснежных воротничках и манжетах, но мы сидели в аудитории в верхней

одежде, кто в пальто, кто в полушубках, или каких-то ватниках; студентки носили черт знает что и выглядели гораздо хуже, чем они были в действительности. Ассистенты раздевали больного, рядом с койкой ставили таз со спиртом и бросали туда зажженную вату; огонь светил мертвенно-синим пламенем, но почти не горел (26).

Таким образом, несмотря на трудности первых послеоктябрьских лет и потерю своего бывшего положения, профессора и преподаватели высшей медицинской школы продолжали сотрудничество с новой властью. Испытывая острую нехватку учебных помещений, научных книг, журналов, учебников, пособий, лабораторного оборудования, и зачастую не имея элементарных условий для работы, они готовили врачебные кадры. Это позволило справиться с эпидемиями и приступить к созданию новой системы здравоохранения и высшего медицинского образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 77.
- (2) Корбут М.К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. – Казань, 1930. – Т. 2. – С. 300.
- (3) Власть и наука, ученые и власть: 1980-е – начало 1920-х годов: Мат. междунар. научн. коллоквиума. – СПб, 2003. – С. 197–198.
- (4) ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 7. – Д. 72. – Л. 7.
- (5) Там же. – Л. 9.
- (6) Корбут М.К. Казанский государственный университет... – С. 303.
- (7) Томский медицинский институт. 1888–1988: сто лет со дня основания. Исторический очерк / Под ред. М.А. Медведева. – Новосибирск, 1992. – С. 38.
- (8) Корбут М.К. Казанский государственный университет... – С. 303.
- (9) Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): Биографический словарь. – Томск, 2004. – Т. 1. – С. 127–128, 142.
- (10) Шварц А.М. Красное студенчество и профессура (воспоминания) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). – Новосибирск, 1980. – С. 41.
- (11) Козовенко М.Н. Неизвестные сведения о жизни и деятельности Семена Ивановича Златогорова (1873–1931). – СПб, 2001. – С. 18.
- (12) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 18. – Д. 225. – Л. 44.
- (13) Зернов В.Д. Записки русского интеллигента. – М., 2005. – С. 234–250.
- (14) ГАРФ. – Ф. А-1565. – Оп. 7. – Д. 69. – Л. 574.
- (15) Власть и наука, ученые и власть... – С. 179.
- (16) Ревякина И.А. Четыре миллиарда рублей ученым Петрограда // Вестник РАН. – 1994. – Т. 64. – № 12. – С. 1103.
- (17) Цит. по: Карпачев М.Д. Воронежский университет. Вехи истории. 1918–2003. – Воронеж, 2003. – С. 102–103.

- (18) *Гудынский Я.В.* Немного о себе и своих учителях. «Дело Карузина» // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. – М., 1993. – Т. II. – С. 94–95.
- (19) *Корбут М.К.* Казанский государственный университет. – С. 315.
- (20) ГАРФ. – Ф. А 1565. – Оп. 7. – Д. 69. – Л. 315.
- (21) *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа. Несостоявшийся альянс. – М., 2004. – С. 22.
- (22) В.И. Ленин и А.В. Луначарский: Письма, документы, доклады. – М., 1971. – С. 277.
- (23) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 18. – Д. 5. – Л. 2, 14 об.
- (24) См.: *Коростелев Н.Б.* Некрополь медицинского факультета Московского университета. – М., 1998. – С. 128–129, 160–161, 173–174, 191–192.
- (25) *Альбицкий В.Ю. и др.* История Казанского государственного медицинского университета. – Казань, 2006. – С. 108–110.
- (26) *Мясников А.Л.* Моя жизнь (воспоминания) // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. – М., 2000. – Т. XI. – С. 84.

**«I HAVE HONOUR TO INFORM FACULTY...»:
ABOUT POSITION OF MEDICAL PROFESSORATE
WITHIN CIVIL WAR**

N.T. Eregina

Faculty of a history and philosophy
The Yaroslavl state medical academy
Revolutionary Str., 5, Yaroslavl, Russia, 150000

In clause on the basis of the broad audience of the archival and published materials are analyzed position and operating conditions of the faculty of medical faculties within civil war. The special attention is given mutual relations of a new revolutionary power and medical professorate.

Key words: medical education, civil war, the higher medical school, teachers of the higher school.